
ПЕРЕКРЕСТОК КУЛЬТУР

ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПСИХИАТРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН)

С.А. Нурмагамбетова, Ю.В. Игнатьев

*Казахский Национальный медицинский университет
имени С.Д. Асфендиярова, Алматы*

Наращение внимания к культуральным различиям – яркая и характерная особенность психологии и психиатрии на современном этапе. В основе этого интереса лежит большой фактический материал, накопленный еще со времен знаменитых путешествий Э. Крeпелина на о. Яву и Суматру, а также бурный всплеск этнического самосознания, происшедший на рубеже тысячелетий. Противоположной тенденцией мирового масштаба выступает глобализация, ведущая к постепенной унификации духовной и материальной культуры, сглаживанию межэтнических различий. В данных обстоятельствах основной объект транскультуральных исследований – этническая идентичность – закономерно теряет свою однозначность и становится не только биологической или психологической характеристикой, но и социальным феноменом. Особенно очевиден этот факт при изучении этнических меньшинств. Показано, что достигнутый в подростковом возрасте этнический статус индивида может меняться на протяжении всей его жизни [1]. Рядом исследователей были описаны такие небезынтересные с точки зрения психопатологии состояния, как синдром навязанной идентичности [2], амбивалентная, негативная идентичность [3] и т.д. В связи с этим особое значение приобретает известное положение, согласно которому оценку психических расстройств в рамках одной и той

же культуры следует проводить с учетом ее конкретного исторического периода [4]. В анализе проблемы представляется необходимым использование опыта современной социологии и культурологии с широким привлечением фактического материала.

При изучении этнической идентичности мы опирались на уже разработанные социокультуральные подходы. С позиции современной концепции аккультурации [5] этническая идентичность – это переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделение от другой. Соответственно этому для определения актуальных стратегий аккультурации необходимо выяснять позицию индивида по следующим вопросам: «Важно ли для Вас поддерживать собственную культурную идентичность?» - касающегося ценности для индивида своей культуры и развития его этнокультурального самосознания, и «Важно ли для Вас поддерживать отношения с другими этническими сообществами?» - направленного на определение отношения индивида к группе контакта. В рамках указанной концепции рассмотрим динамику изменений этнического самосознания немецкого меньшинства в Казахстане.

В истории появления и расселения немцев в Казахстане можно выделить несколько этапов [6], [7].

1. Дореволюционный период. Переселение в этот период носило добровольный характер и проходило при поддержке государства. Перепись населения 1926 года выявила в республике 51000 немцев. География расселения немцев охватывала те же участки, что у русских и украинских переселенцев: Кокчетавский, Омский и Акмолинский уезды Акмолинской области, Кустанайский уезд Тургайской области и Павлодарский уезд Семипалатинской области. Немецкие деревни, как правило, не образовывали сплошных ареалов заселения, а располагались «гнездами» в 2–4 селения. От окружающего их населения немцы отличались более высоким уровнем грамотности, общей и бытовой культуры. Более половины немецкого населения были здесь католиками. Наряду с данной доминирующей тенденцией имелись и отдельные группы, переселившиеся в Казахстан во времена столыпинских реформ и, по свидетельству очевидцев,

практически полностью перенявшие традиции местного населения. Показателем глубины ассимиляционного процесса является одно из описаний поведения представителей этой группы в общении со своими соотечественниками: «...войдя в кабинет к председателю, они говорили не «Guten Tag!» и даже не «Здравствуйте!», а торжественно–громко провозглашали: «Ассалааум-галейкум!», садились не на стулья, а на палас, складывали на турецкий лад под себя ноги, не снимали головных уборов, складывали за губу насвай (жевательный табак) и поплеывали, цвиркали между зубов слюной...» [8].

II. Межвоенный период (1917 – 1941-е годы). В это время миграционный поток немецкого населения в республику нарастал, и эмиграция имела преимущественно принудительный характер, связанный с депортацией немцев и представителей некоторых других народов в Казахстан. Только в 1936 г. в Северо–Казахстанскую и Карагандинскую области было депортировано 63976 человек, из них 23% составили немцы [9]. В 1939 г. В республике проживало или находилось в лагерях 92000 немцев [10]. Это составляло 1,5% общей численности населения в Казахстане. Следует отметить, что подавляющее большинство интеллектуальной немецкой элиты не приняло революции: часть ее активно боролась против большевиков в составе белых армий, другие эмигрировали. Оставшиеся играли при новой власти маргинальную роль: многие из них чувствовали себя больше русскими, чем немцами. Тотальная депортация 1941 года, впрочем, показала, что власти смотрели на этот вопрос по – другому [6].

III. Депортации, лагеря принудительного типа, режим спецпоселений (1941 – 1955-е годы). Насильственная депортация народов в Казахстан – трагическая страница в истории немецкого этноса. 26 августа 1941 года СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О переселении всех немцев из Республики, немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской области в другие края и области». В число других краев входили Сибирь и Казахстан. Операция была проведена жестко и энергично, всего за три недели. Общее число вывезенных из Республики немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан – 365,5 тыс. человек, из них в Казахстан – 67,4 тысяч. С учетом уже вывезенных из Сталин-

градской и Саратовской областей общее количество достигло 438, 4 тыс. человек [11]. Органами МВД в период войны были взяты на учет в спецпереселения и немцы, обосновавшиеся в Казахстане десятки лет назад. На них был распространен режим, установленный для всех депортированных.

Анализируя психологические последствия этой беспрецедентной по своей жестокости политической акции, нельзя не отметить их двойственный характер. С одной стороны, ситуация тотальной дискриминации приводила к тому, что «этническая принадлежность индивида против его собственной воли и желания становилась чересчур значимой характеристикой его бытия и сознания, начинала определять его место в обществе, комплекс прав и обязанностей, а в его самоидентификации выходила на одно из первых мест» - синдром навязанной идентичности [2]. В то же время предпринимались все меры, чтобы народ за короткий период был лишен не только своей земли, но и языка, истории, культуры и родственных связей, чему немало способствовало дисперсное расселение немцев среди казахстанских сел. Немецкий писатель Г. Бельгер приводит в связи с этим устойчивое казахское сравнение: «разбросаны как кизяк в степи», а самой политике депортации дает не менее удачное определение – манкуртизация (по описанному в известном романе Ч. Айтматова изготовлению кочевыми племенами безропотных рабов) [8]. Свообразным проявлением этой двойной политики явилось и позволение немецким комсомольцам и коммунистам оставаться членами соответствующих организаций. По мнению историка В.Э. Кригера [6], сложно было придумать более гротескную ситуацию: «...на фоне обвинений в шпионаже и потенциальной измене, высылке в восточные районы страны, физического и морального уничтожения собственного народа сидеть на партийных собраниях и слушать разглагольствования о ленинско–сталинской национальной политике, а потом проводить агитационно – пропагандистские мероприятия среди замордованных соотечественников».

Проводя ретроспективный клинический анализ психического состояния переселенцев в данный период, следует признать его полное соответствие аномическому варианту расстройства

адаптации с такими ведущими последствиями психосоциального стресса, как социальная отгороженность, отчужденность, астения, тревога, депрессия и апатико-гипобулические расстройства [12]. Достоверно точно, почти клинически очерчено описание судьбы одного из таких депортированных [8]: «Один наш дальний родственник поведал о том, как, вернувшись из Трудармии, долго искал свою семью. Жена его погибла в Трудармии, где-то за Полярным кругом. Дети остались беспризорными, и судьба их была неизвестна. После долгих поисков попал на след одного из своих сыновей – мальчишки лет десяти-одиннадцати. Нашел его в одной деревни, возле чьего-то дома. Изможденный, высохший, грязный мальчик ковырялся пальцем в земле, извлекая оттуда прошлогодние, проросшие зерна и отправлял их в рот. Отец окликнул мальчика и остолбенел: это был живой скелет с глубоко запавшими белесыми застывшими глазами. В них не было ничего, кроме страха, боли и смертельной тоски. Отца, понятно, он не узнавал... Отогреть душу мальчика так и не удалось. Он вырос, окреп, стал хорошим животноводом, обзавелся семьей, растил своих детей, но душа его была убита в раннем детстве, преодолеть боль и унижения сиротства он был уже не в силах».

IV. Период относительной нормализации (1956 – 1986-е годы). Четвертая миграционная волна носила добровольно-вынужденный характер [7]. После окончания войны шло воссоединение немецких семей. Многие приехали с этой целью в Республику. С отменой спецпоселений значительное число депортированных и репрессированных немцев перебрались из Сибири и районов Крайнего Севера в Казахстан с его более мягким климатом. Среди верующих (к ним относилось абсолютное большинство немцев) было устойчивым мнение о том, что в Казахстане легче отправлять религиозные традиции и обряды. Перепись населения 1959 г. выявила в Казахстане 660 000 человек немецкой национальности. Они были расселены по всем областям и районам Республики и в большинстве населенных пунктов. Наибольшая часть приходилась все же на северные регионы. Депортированные из разных территорий СССР немцы жили теперь смешанно как между собой, так и с представителями

других народов. Практически не осталось чисто немецких сел дореволюционного типа, с однородным конфессиональным составом. В целом немцы составляли уже 7,1% общей численности населения Республики [13]. Констатируя последствия депортационной политики, следует признать, что ссылка привела к духовному разрыву значительной части немецкого населения с так называемой советской моралью и образом жизни. Традиции протестантских общин, их автономность и самодостаточность в обрядовых и вероисповедальных вопросах, масса самостоятельных проповедников и толкователей Библии объясняют, по мнению В.Э. Кригера, высокую степень религиозности немцев [6]. Среди немецкого сообщества большое распространение получили различные апокалипсические воззрения, фатализм, уход из реальной жизни. Реальностью стало замыкание в семье, в узком кругу родственников или в религиозной общине. Обращаясь к уже упомянутой типологии психических нарушений вследствие психосоциального стресса [12], можно отметить чрезвычайную близость описанных особенностей ментальности к магифреническому расстройству адаптации. Как известно, данный феномен определяется доминированием в мышлении сверхценных, а иногда и бреподобных идей мистического, иррационального содержания, противоречащих современным научным представлениям и не свойственных данному обществу. В нашей ситуации этот тип адаптации можно рассматривать как своеобразную попытку этноса сохранить свою культурную идентичность в условиях сегрегационной политики СССР.

Для того чтобы лучше понять сепаратистскую направленность немецкого этноса, типичную для данного периода, необходимо сделать также небольшое отступление в историю [6]. В первые месяцы 1941 г. в результате стремительного продвижения германских войск, под оккупацией оказались около 300 тыс. немцев Украины. При отступлении они были вывезены на Запад и в 1944 г. приняты в немецкое гражданство. После разгрома гитлеровской Германии большинство из них было добровольно–принудительно репатрировано в СССР. Их, естественно, обманули и вернули не на малую родину, как обещали репатриационные комиссии, а раскидали по всей стране. К первому августа

1950 г. состояли на учете 208 тыс. репатриантов, в т.ч. в Казахстане 42850 [13]. Получив рабочие специальности на лесоповалах и на стройках, репатрианты видели свое будущее в Германии, с которой их связывали оставшиеся там родственники, земляки и знакомые. Это стремление облегчалось тем, что с середины 1950-х гг. началось знаменитое «немецкое чудо» - Западная Германия, отринув тоталитарное прошлое, стала на путь рыночных реформ. Экономика страны быстро восстанавливалась, так что без работы никто бы не остался. На спецоселении в последующие десятилетия репатрианты породнились с поволжскими, кавказскими, крымскими и другими немецкими субэтническими группами, что значительно расширило круг потенциальных эмигрантов. К концу 1970-х годов выезд по этой линии принял угрожающие по меркам системы масштабы, дискредитируя общество «развитого» социализма [14]. В целях предотвращения нежелательной тенденции были подготовлены указ Президиума Верховного Совета ССР об образовании Немецкой автономной области в составе Казахской ССР и соответствующий проект закона [15]. Решение по этому вопросу принималось закусисно, мнением ни немецкой, ни казахской общественности никто не интересовался. После возникновения массовых беспорядков и протестов местного населения вопрос этот был с повестки снят, но данная акция испортила отношения между казахским и немецким населением, насторожила республиканскую элиту [6]. К тому времени вследствие ряда объективных причин (невозможность изучения родного языка, ограничение поступления в ряд республиканских вузов) на передний план все больше стали выступать ассимиляционные стратегии. В качестве группы контакта рассматривалось в первую очередь славянское население, которое обладало сходной культурой, находилось в привилегированном положении, и являлась носителем общих с немецким этносом фенотипических признаков. В 1984 г. 62% немцев Кокчетавской и 75% Кустанайской области вступили в межнациональные браки. При переписи 1970 г. 75% немцев Казахстана называли родным языком немецкий, в 1979 г. – 62%, в 1989 – только 54%. На самом же деле положение было еще хуже. По данным республиканского общества «Wiederge-

burt», только 8–10% немецкого населения владели нормативным немецким языком [7]. Любопытна оценка данной ситуации тогдашним посольством Германии в СССР. В феврале 1972 г. оно направило в Бонн сообщение «О культурном состоянии российских немцев», где был сделан вывод, что культура немцев Казахстана еще жива, однако этому серьезно препятствует недоверие Советского Союза. Высказывалась озабоченность односторонней ориентацией на ГДР и искусственным замалчиванием жизни в ФРГ [16].

V. Период массовой эмиграции в Германию – обретение независимости Республики Казахстан – настоящее время (1987–2006 годы). После вступления 1 января 1987 г. в силу закона «О преодолении последствий войны» начался лавинообразный процесс эмиграции в Германию. За первые три года действия нового положения разрешение на выезд из Казахстана получило 74775 чел., с 1990 по 1993 гг. – 320167 чел. [17]. Представляет интерес, что миграционный процесс шел на фоне уже завершающейся ассимиляции. Так, исследование бикультурных семей, проведенное европейским университетом Виардина (Франкфурт-на-Одере) и кафедрой немецкого языка Казахско–турецкого университета им. Ясауи (Шымкент) показало, что хотя подавляющее большинство опрошенных ощущало свое бикультурное как обогащение и хотело бы воспитывать своих детей в бикультурных семьях, более 50% информантов отрицательно ответили на вопрос: «Может ли иностранец при посещении Вашей квартиры узнать, к какой национальности вы принадлежите?». Данный ответ означал, что квартира имела «европейский дизайн». Несмотря на то, что 64% респондентов имели твердое намерение уехать в страну, где родились их предки, для 56% опрошенных понятие национальности было нерелевантным [18].

Обретение в 1991г. Республикой Казахстан статуса суверенного государства существенно повлияло на аккультурационные стратегии немецкого меньшинства. Если до этого времени государственным языком в Казахстане был русский, которым владело абсолютное большинство малых этносов Республики, то переход на казахский язык был воспринят как очередное отчуждение от родной культуры [19]. Дальнейшее следование

традициям славянской культуры в сложившейся ситуации означало бы постепенный переход в маргинальное состояние и выбор сепаратистского пути аккультурации кажутся поэтому вполне естественными. Повышение оценки собственной этнической принадлежности, очевидно, связано также с распадом советской морали и соответствующим нарастанием привлекательности стран дальнего зарубежья.

Показательны результаты сравнительного социологического исследования этнических меньшинств, осуществленного в Казахстане в 1986 г. при поддержке фонда им. Ф. Эберта [20]. В немецком этносе, в отличие от корейского и уйгурского, было выявлено большее недовольство в удовлетворении своих прав на образование, свободу и личную неприкосновенность, а также прав на равную защиту законом, на труд и равную оплату за равный труд. Сепаратистская направленность немецкого меньшинства проявилась в их большей склонности апеллировать к своему культурному центру при возникновении этнических конфликтов, нежели к государственным органам власти. Соответственно этому прослеживается и отсутствие интереса к ассимиляции в казахскую культуру. Так, на вопрос: «Должны ли знать и изучать народы Казахстана казахский язык?» – ответили положительно только 52,8% немцев (в сравнении с 79,6% уйгуров и 72,8% корейцев). Обращает на себя внимание диссоциация ответов, касающихся межэтнических конфликтов. В частности, на вопрос: «Испытываете ли Вы или Ваша семья какое-либо ущемление по национальному признаку?» – выразили согласие 42,0% немцев, 35,3% уйгуров и 19,1% корейцев. В то же время на вопрос: «Что Вы будете делать, если станете жертвой дискриминации по этническому признаку?» большая часть немецких информантов (34,2%) заявила, что промолчит и забудет (в сравнении с 25,4% корейцев и 24,6% уйгуров). Складывается впечатление, что эта «психологическая толерантность» обусловлена миграционной настроенностью информантов. И, действительно, на вопрос: «Если бы у Вас была возможность уехать из Казахстана, уехали бы вы?» 53,2% немцев и только 18,6% уйгуров и 16,7% корейцев ответило, что уехали бы, не задумываясь. Несмотря на это, чувство идентификации со своей этнической общностью было выражено меньше

всего именно у немецких респондентов – 21,8% (в противоположность 37,9% корейцев и 28,1% уйгуров). Косвенным подтверждением слабости этнического самосознания этих информантов является и преобладание ответов, в которых они определяли себя преимущественно как «члена своей семьи» - 56,5% немцев (против 42,5% уйгуров и 29,0% корейцев).

Несмотря на данные показатели, привлекательность Германии как исторической родины (или наиболее доступной экономически развитой страны дальнего зарубежья) продолжала стимулировать миграционные потоки и влиять на выбор этнической принадлежности. Из почти миллионной немецкой диаспоры, проживающей, согласно последней советской переписи населения в 1989 г. в Казахстане, до 80% выехало за пределы Республики. Согласно данным текущей статистики 1999 г., число оставшихся немцев составило примерно 150 тыс. человек [21]. Первая национальная перепись, произведенная в том же году, показала, что немецкое население составляет около 353 тыс. человек [22]. Несоответствие в данных можно предположительно объяснить тем, что граждане, имевшие отдаленное немецкое родство или родившиеся в межнациональных браках, ранее фиксировали в паспорте национальную принадлежность одного из родителей (родственников), но не немецкую [11]. Ныне они стремятся зафиксировать в идентификационных документах, а также данных переписи немецкую национальность, чтобы иметь возможность легального выезда в Германию.

На 1 января 2006 г. численность немцев в Казахстане составила около 228 тыс. человек. За последние 15 лет, по статистическим данным о демографическом состоянии населения Республики Казахстан, немцы переместились с третьего на пятое место. В последние годы темпы эмиграции заметно снизились. Отток составляет около 30 тыс. человек в год. Наметилась тенденция возвращения мигрантов из Германии в Казахстан. Только в 2005 г. было зарегистрировано 900 лиц, изъявивших желание вернуть казахстанское гражданство [23].

Таким образом, представленные данные свидетельствуют об очевидных трансформациях этнического самосознания в зависимости от конкретного исторического периода. Общественный

статус малой этнической группы влияет на индивидуальный выбор принадлежности к тому или иному этносу, что может находить свое отражение в показателях Государственной статистики. При проведении этнокультуральных психиатрических исследований малых народов необходимо ориентироваться, прежде всего, именно на социальные характеристики изучаемого этноса. В качестве наиболее важных социальных коррелятов психического здоровья следует рассматривать групповые и индивидуальные стратегии аккультурации.

Литература

1. Phinneu J. S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research Psychological Bulletin. 1990. Vol. 108. P. 499 – 514.
2. Лебедева Н. М. « Синдром навязанной идентичности» и способы его преодоления // Этническая психология и общество. М., 1997, С. 104-115.
3. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2004. 367с.
4. Дмитриева Т. Б., Положий Б. С. Этнокультуральная психиатрия. М.: Медицина, 2003. 448с.
5. Berry J. W. Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures // R. W. Brislin (Ed) Applied cross-cultural psychology. L., 1990. P. 232-253.
6. Кригер В. Особенности кадровой политики государства в отношении российских немцев в советский период // Культура немцев Казахстана: истор. и совр-ость: Материалы науч.-практ. конф. Алматы, 9-11 октября, 1998 г. Алматы, 1999. С. 68– 93.
7. Бруль В. Влияние второй мировой войны на численность, географию расселения и образовательно–культурный уровень немцев в Казахстане // Культура немцев Казахстана: истор. и совр-ость: Материалы науч.- практ. конф. Алматы, 9-11 октября, 1998 г. Алматы, 1999. С. 94 – 111.
8. Бельгер Г. Терзания духа // Депортированные в Казахстан народы: время и судьбы. Алматы, 1998 - С. 209–237.
9. Из истории немцев Казахстана (1921– 1975). Алматы; М., 1997. 85 с.
10. Казахстан в цифрах: кр. стат. сб. Алма–Ата, 1990. 18 с.
11. Садовская Е. Ю. Миграция в Казахстане на рубеже XXI века: основные тенденции и перспективы. Алма–Ата, 2001. 259 с.
12. Руководство по социальной психиатрии / Под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2001. С. 46–50.

13. Депортации народов СССР (1930 – 1950-е годы) // Материалы к серии «Народы и культуры». Ч. 1, вып. 12. М., 1992. С. 229–306.
14. Pinkus Benjamin, Fleischhauer Ingeborg. Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden–Baden. 1987. S. 558.
15. История российских немцев в документах (1763 – 1992гг.) М., 1993. С. 190–200.
16. Немцы в России и СНГ. 1763–1997. М.; Штутгарт, 1998. С. 357.
17. Архив Казахстана по статистике. Ф. 698. Оп. 21. Основные показатели миграции населения в Казахстане за 1990 г. С. 234.
18. Яцухин А.Н. Религиозно–культурные аспекты воспитания молодежи в бикультурных семьях // Культура немцев Казахстана: истор. и совр-ость: Материалы науч.–практ. конф. Алматы, 9–11 октября, 1998 г. Алматы, 1999. С. 127–135.
19. Dietz В. Jugendliche Aussiedler. Ausreise, Aufnahme, Integration. Berlin, 1997. S. 121.
20. Масанов Н. Положение этнических меньшинств в Казахстане. Фонд имени Ф. Эберта. Алматы, 1996. С. 2–23.
21. Краткий статистический ежегодник Казахстана 1998 Агентство Республики Казахстан по статистике. Алматы, 1999. С. 156.
22. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан: Стат. сб. Алматы, 2000. С. 56.
23. Дедерер А.Ф. Анализ состояния немецкой этнической группы в Казахстане. Алматы, февраль 2006. (не опубликовано).